

Никулин Василий Борисович.

Поэзия

Кунгур

С добрым утром, златоглавый!
С добрым утром, город мой!
Ты прости меня, но, право,
В чем-то схожи мы с тобой.

Век – и твой, и мой – в заплатках,
Путь – в грязи. Одна рука
Нас ведет. В рожденья датах
Разница лишь велика.

Мы бесследно не исчезнем:
Повоюем, поживем,
Победим свои болезни,
Грязь когда-нибудь сотрем.

Выше голову, собрат мой!
Ну-ка, плечи подрасправь!
Пусть уходят безвозвратно
В прошлое и сон, и явь.

Пусть! О чем жалеть влюбленным:
Я – в тебя, а ты – в меня?
Оба смотрим изумленно,
Познавая имена.

Ты – Кунгур, а я – Василий.
Я недавний житель твой.
Извини, что без усилий
Претендую на родство.

Не могу тебе помочь я
Исключительно ничем.

Разве что глубокой ночью –
Светом и теплом свечей?

Знаю, ни хула, ни слава
Нас не разлучат с тобой.
Доброй ночи, златоглавый,
Доброй ночи, город мой!

Явление

Над лугом бабочка порхает
На пару с утренним лучом.
И все вокруг благоухает,
Душа на красках отдыхает
И распускается цветком.

Я – Василек. Мой стебель тонок:
Безропотно под ветром гнусь.
Похож на братьев и сестренку –
Вселенной маленький ребенок –
Я к Солнцу трепетно тянусь.

Когда ж меня – дитя Вселенной –
Заденет бабочка крылом..
Переживу ли в то мгновенье
Чудесной бабочки явленье
На пару с утренним лучом.

* * *

Лес возвышается
над этажами.
Войди в него.
Увидишь,
Как он высок – до неба,
Что сам ты – будто выше

И еще – с полнеба.

Над этажами ...

Лес возвышается

Над миражами.

Войди в него.

Услышишь

Дыханье поздней осени

И что и сам ты – дышишь,

Ну, словом, что живешь

От осени до осени.

Над миражами ...

Лес возвышается

Над временами.

Войди в него.

Поймешь,

Что – вечно и нетленно,

Что – ничтожно.,

Но ты молчишь ...

Не бойся Бога.

Он в душе твоей.

Над временами ...

Красота

Неоспоримая высота,

С которой смотрит нам в глаза

Красота.

Неважно – чья:

Фиалки, клена иль ручья?

Небесная.

Ничья...

Ее повсюду ты найдешь.

И от нее – по телу дрожь.

Она –
не медный грош.

И не сокровища царей.
Но сокровенней.
И быстрее
Дойдет до дна души твоей.

На много долгих лет
Оставит в сердце след.
Все остальное – тлен.
И бред...

Сыну

Должно быть плакала природа,
Когда явился ты на свет –
На редкость эмоциональный
Тобой был вытянут билет.

В тебе – разнообразье рода.
И потому непостижим
Одновременно жест печальный
И жест, весельем одержим.

В тебе слились и смех, и слезы –
Неразделимые – в ответ
На белые снега и грозы,
И на закат, и на рассвет.

На запах молока и хлеба,
На холод льда и жар огня,
На глубину ночного неба,
На блики солнечного дня,

На безучастье и участие,
На отношенье «ты и я...»,
На заколдованное счастье

И на несчастье бытия.

... Природа плакала, должно быть,
А я смеялся ей в ответ? –
Когда из темноты утробы
Явился ты на белый свет...

Жизнь

Раскрой глаза пошире. Разве плохо
Устроен мир? На венчике цветка
Сидит пчела, а рядом шмель – пройдоха
Жужжит, что жизнь прекрасна и легка.

Навозный жук, живя в навозной куче,
Не знает о превратностях судьбы.
Благодари ж, мой друг, судьбу за случай –
Жить на земле под небом голубым.

И наслаждаясь луга ароматом,
Лаская лик прохладой родника,
Поверь шмелю, сказавшему когда-то
Пчеле, что жизнь прекрасна и легка.

Маленькие боги

Показываем буквы и слоги,
За словом слово строим из слогов.
А перед нами маленькие боги.
Мы с ними делим общие чертоги.
И старый мир сверкает – свеж и нов.

И вот уже каноэ и пироги
Мы сталкиваем в ближний водоем.
И дети – эти маленькие боги –
Из под руки посматривают строго,

Когда по курсу в юность мы идем.

Замедлен шаг. Слабеют наши ноги.
Печаль разлук тревожит сердце вновь.
Взрослеют наши маленькие боги.
Им выбирать и цели, и дороги.
Да будет свет по имени Любовь

Слезы

Я перестал смотреть на звезды.
Смотрю в глаза твои, в них – слезы.
Безжалостно душа обожжена.
И глубиной пугает рана.
Я за тебя молиться стану,
С тобою горечь выпью всю, до дна.

Я перестал смотреть на звезды.
Все ниже взгляд мой. Те же слезы
Росою выпали на травы и цветы.
И лес – когда-то добр и весел –
Так безнадежно нос повесил
И потерял знакомые черты.

Я перестал смотреть на звезды.
А звезды – это те же слезы?
Не выплакать из все, не иссушить, –
Хоть плачь навзрыд, слезами мойся,
Сквозь слезы смейся. И не бойся,
Что звезд не хватит жизни нам прожить...

Излечение

Направлю взор свой на восход –
С отливом меди золото.
Пусть мое сердце оживет,

Страданиями расколото!

Пойду на птичьи голоса
Клубок тропы разматывать,
Туда, где в этот час роса
Поблескивает матово.

Речам разумным вопреки –
Прощально-назидательным, –
Приду к излучине реки
Не гостем – завсегдатаем.

И в тот благословенный день
Сердечное ранение
Прикосновение к воде
Излечит во мгновение.

И снова буду жизни рад.
Поняв, что в ней не лишний я,
Направлю шаг свой на закат,
Воздав хвалу Всевышнему.

2001 год

Я жалею,
уверенный,
Что 2001 год
Будет похож на сегодняшний:
Те же
лавины и камнепады,
ливни и ураганы
Обрушатся
на беззащитных людей.
Но...
Это было и есть.
И не это мне страшно...
Я задумался...

И попробовал
Представить грядущий тот год
Без простых и привычных
лопат и бульдозеров,
Сдирающих жирную кожу Земли –
Плодородный
живой ее слой, –
И превращающих в пыль,
Что когда-нибудь ляжет
На наши раздетые кости.
Но...
представить не смог.

На страх обреченный –
Я все же продолжил свой путь.
И ужаснулся...
В свинцовое небо
Смотрели больные пустые глаза,
А рядом –
пристальные
холодные –
Выражали лишь ненависть
К тому,
что еще сохранило краски –
И тем раздражало;
К тому,
что мелодию выводило,
Но которой...
некуда было лететь.
Ненастно
и безучастно...
И стало мне страшно.
Вот этого я не хочу...

Рождение

Я из тепла был выдворен на холод,
Я закричал – мне дали молока,
Я был тогда еще чертовски молод,
Но обликом похож на старика.

Был чист и наг я, не имевший срама,
И неуклюж я был, и невесом,
И далеко не сразу слово «мама»
Связал я в жизни с теплым молоком.

О как устроен мир непостижимо!
Все рядом в нем: рождение и смерть,
И веснами сменяемые зимы,
И купол неба, и земная твердь...

Одиночество

Когда апрель запросится
Настойчиво в окно –
Смакуем одиночество
Как терпкое вино.

Его мы пьем старательно –
С замашкой на запой,
И бродим по касательной
К окружности людской.

Но на пересечениях –
Беззлобны и просты –
Испытывая трение,
Не прячемся в кусты.

Когда ж ограбит дочиста
Нас суета сует, –
Уходим в одиночество:
Сильней лекарства нет.

* * *

Обнажена нога – до полусмерти,
До полужизни грудь обнажена.
Передо мной – уж вы-то мне поверьте –
Сидит в меня влюбленная жена.

И что-то шьет. А я от изумленья
Готов упасть, хотя вполне здоров.
Трещат в затопленной печи поленья –
Ноябрь по-зимнему и снежен, и суров.

Случайно? или нет? ее халатик
Полураспахнут, – вот ведь в чем вопрос.
Мне подойти к ней было б очень кстати,
Но – восхищенный – к стулу я прирос.

